

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ МЕТАМОРФОЗА Н. В. ГОГОЛЯ И СОЦИАЛЬНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ

М. М. ПРОХОРОВ – д. филос. н., проф.,
Нижегородский филиал Московского государственного университета
экономики, статистики и информатики
(г. Нижний Новгород, Россия)

E-mail: mmprow@mail.ru

В статье раскрыт смысл понятия социальности мышления и её отрицания. Отрицание социального мышления автор статьи прослеживает путем исследования известной работы Н.В. Гоголя «Избранные места из переписки с друзьями». В ней писателем автобиографически точно зафиксирована происшедшая с ним радикальная мироззренческая метаморфоза. Суть её, показано в работе М.М. Прохорова, состоит в отказе от социальности мышления и в переходе на позиции религиозного мироззрения, что произошло по экзистенциальным причинам, порожденным серьезной болезнью Н.В. Гоголя. В статье раскрыта реакция на эти явления из жизни известного писателя и мыслителя его современников в России из разных социальных групп. Показаны исторические условия перемен и связь с современностью, в которой в нынешней России происходят аналогичные перемены, порождаемые усилением в жизни религиозных представлений, приводя к аналогичным явлениям в постсоветской России, включая и реакцию на них. Статья написана с использованием методов объективности, диалектики развития, единства исторического и логического, восхождения от абстрактного к конкретному. Имеет важное значение для раскрытия социальной динамики современного общества.

Ключевые слова: бытие, социальность, экзистенциальность, крепостничество, «монастырь», «грех», развитие, восхождение, нисхождение, переинтерпретация.

GOGOL'S N. V. WORLD OUTLOOK METAMORPHOSIS AND SOCIALITY OF THINKING

MIKHAIL PROKHOROV – Doctor of Philosophy, Professor,
Nizhny Novgorod branch of Moscow State University of economy, statistics and informatics
(Nizhny Novgorod, Russia)

The sense of concept of a sociality of thinking and its denial is opened in the article. Denial of social thinking the author of article traces by research of known work of N.V. Gogol "The chosen places from correspondence with friends". In it, the writer autobiographical precisely recorded the radical world outlook metamorphosis, which has occurred to it. Its essence, as it is shown in M.M. Prokhorov's work, consists in refusal of a sociality of thinking and in transition to positions of religious outlook that occurred for the existential reasons generated by a serious illness of N.V. Gogol. Reaction to these phenomena from life of the known writer and the thinker of his contemporaries in Russia from different social groups is opened in the article. Historical conditions of changes and communication with the present in which in present Russia there are the similar changes generated by strengthening in life of religious representations are shown, leading to the similar phenomena in Post-Soviet Russia, including and reaction to them.

Key Words: being, sociality, existentiality, serfdom, «monastery», «sin», development, ascent, descent, reinterpretation.

Никакое сущее неправомерно «гипостазировать», изолируя его от всего мироздания в целом, как порой делает представитель той или иной конкретной науки, анализируя объект и предмет своего исследования, предварительно вырывая их из всеобщей связи и развития мироздания. Не случайно М. Мамардашвили подметил, что историю, как и мысль, нельзя начать, что в ней можно только быть, что в абсолютном смысле слова не существует некоего абсолютного начала мысли или начала истории – мы никогда не находимся в положении, которое очень часто описывается как положение выбора. Вот якобы мы стоим перед рекой и думаем: бросаться в реку или не бросаться. «На самом деле принцип Гераклита гласит: *каждый данный момент мы уже в реке*» [Мамардашвили, 1997: с. 252]. Называя это бытие космосом, Гераклит подчёркивал, что этот Космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, что он всегда был, есть и будет...

Историю делят на историю природы (естествознание) и собственно историю человека и общества, *продолжающую* эволюционное восхождение, характерное уже для природы, объективный характер которого зафиксирован, например, в теории Ч. Дарвина. На уровне человеческой истории её бытийный характер передается термином социальность, что указывает на социальность и самого человеческого мышления. Попытки «скрепить» мышление исключительно с головой человека как субъекта недостаточно для верного понимания человеческого мышления. Мышление есть явление человеческой истории. Значит, помимо «прикреплённости» к голове человека, мысль не менее связана с *развитием* бытия и истории.

В настоящее время принято выделять три типа (этапа) развития: природное, социальное и социоприродное, рассматривая их в виде глобальной или универсальной эволюции, которую принято оценивать не с позиций, например, пчелы, рыбы или человека, но в отношении жизни как таковой, поскольку речь идёт об общем прогрессе жизни. Антиподом жизни выступает смерть. Уже в ходе прогрессивного развития жизни организмы становятся всё более «живыми», уменьшается вероятность их гибели от непредвиденных причин. Высшие организмы платят меньшую дань смерти. Прогресс создаёт некую траекторию, в которой возникающие на более высокой ступени материальные системы увеличивают возможность своего более стабильного существования по сравнению с предшествующими им уровнями и ступенями.

Продление жизни человека «характеризуют как социальный прогресс, достигаемый в том или ином социуме, а возможность увеличения длительности существования человеческого рода представляется как стремление к социальному бессмертию» [Урсул, Урсул, 2012: с. 10]. Социальная ступень эволюции выделяется порядка миллиона – сотен тысяч лет тому назад, когда появилось древнее человечество разумных существ (жизнь появилась на Земле 3,85 млрд. лет назад); в рамках биосферы человечество сформировало социосферу, которая, по В. И. Вернадскому, стала превращаться в ноосферу в XX веке, охватывая земную поверхность планеты, и в будущем станет захватывать в орбиту своей деятельности и космические пространства.

Можно утверждать, что подлинное мышление есть мышление бытия, принадлежащее ему и осмысливающее его, более того, оно «прикреплено» к прогрессу, восхождению, ибо оно само есть порождение восходящей ветви бытийного развития, оно возникает в контексте прогресса, *порождается* процессами восхождения и, в свою очередь, является *внутренним детерминантом* этих процессов, способствующим их пролонгации. Напротив, в контексте де-

градации мысль вырождается в разного рода уловки, софизмы, вытесняется интеллектуальным мошенничеством, симулякрами как продуктами симулирования, деятельности симулянтов, которые лишь имитируют соответствующую деятельность, что ведёт к утрате тренда на поиск не только истины, но даже черт лжи и заблуждения. Симулянт в своей псевдодеятельности сходит с тропы не только истины, но даже заблуждения и лжи, носители которых всё ещё признают существование бытия объективной реальности и социальности. Мышление имеет социальный характер. Разные категории людей в обществе более или менее причастны к этим противоположным трендам, хотя с помощью различной техники мышление пытаются воспроизводить без этой «окраски», в виде голой «рациональности», утрачивающей связь с социальностью и бытийностью.

Если использовать ценностные критерии для определения векторности изменений глобальных процессов, то субъектом нужно брать всё глобализирующееся человечество, а «это противоречит тому, что в современных международных отношениях и мировой политике каждый из транснациональных (негосударственных) акторов действует, исходя из своих интересов, а не интересов всего человечества». Критикуя «рыночный пир» современной потребительской цивилизации, А. Д. Урсул и Т. А. Урсул выражают убеждение в том, что практическая глобальная деятельность «должна становиться полезной, значимой для всего мирового сообщества» и «каждого человека в отдельности, даже если он этого не сознает», «расширяясь до планетарных масштабов», «содействуя утверждению позитивных и противодействуя негативным тенденциям развития» [Урсул, Урсул, 2012: с. 18–19]. Они сожалеют, что «современное человечество ведёт себя самоубийственным образом», а «чтобы процесс самоорганизации в мироздании продолжался на её главной магистрали, социальная ступень должна сохраниться и продолжать своё перманентно-безопасное существование и поступательное развитие уже в социоприродной коэволюционной форме со всеми другими (ей предшествующими и её окружающими) материальными структурами» [Урсул, Урсул, 2012, с. 24].

Согласно известным высказываниям социолога А. А. Зиновьева, в СССР число бесполезных и вредных видов деятельности доходило до 20 %, а в современной России оно близко к 80 %, тогда как полезные виды деятельности составляют только 20 %. Соответственно этому процентному соотношению сегодня в России отрицается социальность мышления.

Далее при исследовании социальности и её отрицания мы обратимся к «истории Н. В. Гоголя», выдающегося художника и мыслителя Украины и России, что позволит раскрыть общие и специфические черты взаимоотношения религии и общества, социальности мышления, характерные для прошлого и настоящего, а это в свою очередь раскрывает нам возможности и границы современной религиозной деятельности, приверженность её делу «социального служения», раскрыть таящиеся здесь проблемы, не всегда очевидные, если оставаться исключительно в пласте современности.

Речь пойдёт об истории радикальной метаморфозы (от гр. *Metamorphôsis* – превращение, полная перемена) в мироззрении Н. В. Гоголя последнего периода его жизнедеятельности, которое сегодня нередко оценивается как духовное восхождение писателя.

Метаморфоза началась статьёй об «Одиссее» в «Современнике». Статья была парадоксальной, огорчившей многих почитателей его таланта социального художника. *Читатели обнаружили в ней указание о необходимости «взгляда на жизнь» с позиций «христианина», который предлагалось сделать*

«всеобщим и народным». По отношению к прежнему, *социальному* взгляду он был *презирающим его и углублённым в православие*. Второе издание «Мёртвых душ», в Предисловии, выразило мировоззренческий перелом. Он был описан и оценен В. Г. Белинским. Последний возмущился попыткой художника «скрепить» свою мысль с социальной средой самодержавно-крепостнической системы России, защитником которой выступил теперь Н. В. Гоголь, с процессами деградации России: тот «под покровом религии и защитой кнута проповедует ложь и безнравственность, как истину и добродетель». А ведь он – *великий* писатель России, известный своими произведениями как её «надежда, честь, слава, один из великих вождей её на пути сознания, развития, прогресса» [Белинский, 1948: с. 512].

Замечу, что за прочтение этого «Письма» и передачу его для копирования Ф. М. Достоевский был приговорён к смертной казни, заменённой каторжными работами; так обнаруживала себя социальность мысли и её разнонаправленность. На письмо В. Г. Белинского отреагировала и «система» и её противники, распространявшие письмо по стране в тысячах «списков». И. С. Аксаков писал, что нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письма к Гоголю, что имя В. Г. Белинского известно всякому жаждущему свежего воздуха среди болота провинциальной жизни.

В основе духовного перерождения Н. В. Гоголя находятся экзистенциальные обстоятельства его личной жизни. В 1840 г. его поразила болезнь и «чудесное исцеление». В начале «Выбранных мест из переписки с друзьями» [Гоголь, 1990] он пишет: «Я был тяжело болен; смерть была уже близка». В связи с исцелением Н. В. Гоголь уверовал, что его жизнь «нужна». Нельзя смешивать Н. В. Гоголя последнего периода жизни (1840–1852) с тем молодым человеком, подметил П. В. Анненков, который начинал жизнь в Петербурге: они принадлежали «двум различным мирам», их разделяет настоящий «переворот в его существовании». Н. В. Гоголь признавал, что он «теперь больше годится для монастыря, чем для жизни светской», пытаясь *влести* свой художественный талант в новый экзистенциальный «контекст». Продолжение литературного труда он отныне не мыслил без «предварительного обновления души», без подчинения искусства религии, которую оно призвано *обслуживать*¹.

С лета 1842 г. Н. В. Гоголь принимается за чтение книг «духовного», т. е. религиозного содержания, особенно святоотеческой литературы, «составляет» разного рода «правила» и предлагает своим адресантам принять их веления «как повеления Самого Бога». Пока каждый человек, «каждая единица» не

¹ См., например, главу XIV «О театре», где прямо утверждается, что театр есть «ступень к христианству», что он должен учить людей не выступать «из пределов своей должности», как это делал гоголевский Хлестаков, что привело «к слишком многим печальным последствиям» «односторонности», чему и противостоит «христианское смирение». В главе X «О лиризме наших поэтов» Н. В. Гоголь называет его «близким к библейскому», указывая на любовь к богу и любовь к царю: «Государство без полноценного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, чего достигли Соединённые Штаты. А что такое Соединённые Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит». Воспевая патриархальные порядки, Н. В. Гоголь воспекает «монарха вообще», который есть «помазанник божий, обязанный стремиться вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает бог», он «есть образ божий», «одна любовь» к народу, «из нас, людей частных, возыметь такую любовь во всей силе никто не возможет». В Европе же «не приходило никому в ум определять высшее значение монарха. Государственные люди, законоискусники и правоведы смотрели (только – М. П.) на одну его сторону, именно как на высшего чиновника в государстве, поставленного от людей».

будет жить «жизнью небесного гражданина, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство», пишет он В. Г. Белинскому, стремясь найти религиозный смысл «по ту сторону» всех вопросов *посюсторонней*, социальной жизни людей. *Вся Россия представлялась ему отныне «монастырем»* (В. Воропаев расценивает его «правила» как «подступы к «Выбранным местам из переписки с друзьями» [Воропаев, 1990]). Работа над «Мёртвыми душами» «застопорилась». «Нельзя надеяться на скорое появление моих новых сочинений», признавался Н. В. Гоголь в октябре 1843 г. П. А. Плетнёву.

Особенно трудным выдался 1845 год, письма Н. В. Гоголя полны жалоб на ухудшение здоровья, на то, что он сам провоцировал болезненность – тем, что «насиловал» себя писательством. И ничего не мог сделать, «всё выходило принуждённо и дурно», жил же он «внутренне», «как в монастыре», не пропуская церковных служб. Дело дошло до кризиса. Н. В. Гоголь сжигает рукописи второго тома «Мертвых душ», полагая, что они произвели бы вред, а не пользу *христианскому делу*.

В. А. Жуковский, получив известие о смерти Н. В. Гоголя в марте 1852 г., писал, что если бы тот не начал свои «Мёртвые души», окончание которых ему «не давалось», то он давно бы стал монахом, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно. Художническое начало побеждало в нём «монашеский склад», считает В. Воропаев, кризис Гоголя видится ему как следствие глубочайшего внутреннего конфликта. «Мне хотелось хотя бы, – писал Н. В. Гоголь, – искупить бесполезность всего, доселе мной напечатанного, потому что в письмах моих, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, нежели в моих сочинениях». Отныне он рассуждает о жизни не с позиций социально и умственно наиболее развитых людей, а с точки зрения самых обычных, но уверовавших в Бога людей, уверовавших в особые отношения с Ним, сверхъестественным существом, спасающим человека. *Экзистенциально* это был уже совершенно другой человек, который как бы заново входит в общество с его отношениями и предлагает рассматривать существующие общественные отношения между людьми как порождённые самим богом. Он убеждён теперь, что общественные отношения между феодалами и крепостными, помещиками и крестьянами в России порождены не частнособственническими отношениями, но самим Богом. Поэтому они должны быть «оправданы», а не отменены (как *случится через полтора десятка лет – в 1861 году, через 9 лет по смерти писателя*). Такова трагедия духовного перерождения Н. В. Гоголя.

Он начинает воспевать отношения между крепостными и крепостниками как «богом установленные». Эти отношения он считает в принципе достаточно гуманными, не требующими ликвидации; правда, стремится к внесению в них более человеческих черт. Эта «тема» и становится центром «Выбранных мест». Он производит переинтерпретацию «Мёртвых душ», полагает, что их отрицательные «герои» вовсе не отвратительные порождения отвратительных общественных отношений, как толкует их большинство читателей. Они есть списанные им с самого себя различные ипостаси его собственной *экзистенции «грешного»* человека. Н. В. Гоголь пишет в третьем из «Четырёх писем к разным лицам по поводу "Мёртвых душ"», что герои «Мёртвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть «портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе, точно как бы в сочинении их участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное». Эти герои потому близки его душе, что «они из души», что «все мои последние сочинения – история моей собственной души», они очерчивают «по-

шлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот моё главное свойство», которое «углубилось во мне ещё сильнее от соединенья с ним некоторого душевного обстоятельства». Этого он «не в состоянии был открыть даже и Пушкину». «Герои мои вовсе не злодеи: прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель бы помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей», «один за другим следуют у меня герои один пошлее другого», и «нет ни одного утешительного явления», а по прочтении всей книги кажется, «будто вышел из какого-то душного погребца на божий свет».

С позиций «греховности» Н. В. Гоголь пишет, что указанное его художественное «достоинство» зиждется и на его собственном «душевном обстоятельстве», на его «собственной душевной истории. Никто из читателей моих не знал, что смеясь над моими героями, он смеялся надо мной», а ведь «во мне заключилось собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу, и притом в таком множестве, в котором я ещё не встречал доселе ни в одном человеке <...> они открывались передо мной постепенно и понемногу» и «я был наведен на то, чтобы передавать их моим героям»; и «я стал наделять своих героев сверх своих собственных гадостей моей собственной дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство моё, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобой, насмешкой и всем чем попало».

Н. В. Гоголь сетует, что даже А. С. Пушкин, которому он стал читать первые главы из «Мёртвых душ» в том виде, в каком «они были прежде», «не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка». Н. В. Гоголь подчёркивает, повторяет, разъясняет, что «ничтожные люди» из первой части поэмы «ничуть не портреты с ничтожных людей», что «в них собраны черты от тех, которые считают себя лучшими других». И разъясняет: «герои мои ещё не отделились вполне от меня самого, а потому не получили настоящей самостоятельности». Как мыслитель он искренне полагал, что ищет «добро», воюя со *своими* экзистенциальными «ипостасями», ставшими героями «Мёртвых душ», что в конце концов он изгонит их, ибо в этом ему «поможет бог». «И это вздор, что выпустили глупые *светские умники*, будто человеку только и возможно воспитать себя, покуда он в школе <...> я уже от многих своих гадостей избавился тем, что передал их своим героям, обсмеял их в них и заставил других также над ними посмеяться», я «поверяю себя на исповеди перед тем, кто повелел мне быть в мире и освободиться от моих недостатков, вижу много в себе пороков».

Выдумывать кошмары Н. В. Гоголь «также не выдумывал»: «что было в душе, то из неё и вышло». В четвёртой главе писатель объясняет мотивы сожжения второго тома «Мёртвых душ» тем, что прежде выражал не религиозную позицию, а точку зрения социального мышления, «отца самонадеянности». Теперь же, пишет Н. В. Гоголь, я «без молитвы не приступаю ни к чему».

Ипостаси своей экзистенции *грешного* человека Н. В. Гоголь отделяет от частнособственнических общественных отношений самодержавно-крепостнической системы тогдашней России, уже беременной нарождавшимися новыми категориями людей и их отношениями, что ранее он и запечатлел сам в «Мёртвых душах». Для их «оправдания» и для опровержения социальности/светскости. Теперь Н. В. Гоголь считает, что «помогаем же не мы, помогает бог, ниспосылая силу бессильному», как Он помог и ему самому, оставив его в

живых. Для нового существования, противоположного обычному, социальному бытию и мышлению. *Социальное бытие и мышление, уверен Н. В. Гоголь, не есть выражение или обозначение единственной и последней реальности. Более глубокой и фундаментальной реальностью является та, о которой учит религиозное вероучение, с позиций которого должно рассматриваться и оцениваться всё происходящее в мире и в России.* Социальное для него отныне есть мелкое, оно сливается и со светским, и с высшим «светом», с его вульгарностью, просвещением, просветительством и т. п. Всем им и противостоит выржаемое православием *религиозное*.

Об этом «перерождении» Н. В. Гоголя говорят многие, но по-разному. Кстати, оно вполне соответствовало государственной идеологии, воплощённой в модной сегодня в России «теории» С. С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», тогда провозглашённой как официальный правительственный курс в просвещении, в историографии – в трудах М. П. Погодина, в общественном мышлении, в публицистике славянофильства, в фольклористике и этнографии, в работах И. П. Сахарова, И. М. Снегирёва, О. М. Бодинского¹.

Современники упрекали Н. В. Гоголя за то, что он пренебрёг своим творческим даром социального художника, писателя. Так в марте 1847 года С. П. Шевырёв писал Н. В. Гоголю: «Главное справедливое обвинение против тебя следующее – зачем ты оставил искусство и отказался от всего прежнего?», и С. П. Шевырёв призывал его вернуться «к художнической деятельности». Н. В. Гоголь недоумевал: «Я не могу понять, отчего поселилась эта нелепая мысль об отречении моём от своего таланта и от искусства...». Теперь он был уверен, что искусство предназначено служить «ступенью к христианству», что в этом – единственное «оправдание» искусства. По словам К. Мочульского, Н. В. Гоголь поворачивал литературу «от эстетики к религии, чтобы сдвинуть её с пути А. С. Пушкина на путь Ф. М. Достоевского» [Мочульский, 1934: с. 34]. Если А. С. Пушкин в своих «Заметках по Русской истории XVIII века» давал её *социальный* анализ, раскрывал изменения, порожденные Петром I, которые были продолжены «наследниками северного исполина», то Н. В. Гоголь свернул с этой дороги *социального* мышления в сторону религиозно-экзистенциального мировоззрения. А. С. Пушкин же саму деятельность церкви рассматривал с социальных позиций. Он отмечал, например, что в России церковь была «посредником между народом и государем», а Екатерина «гнала духовенство», что она лишила его независимого состояния, ограничила монастырские доходы, что привело и к удару по народному просвещению, ибо в результате пришли в упадок и семинарии.

В «Правиле жития в мире» (1844 г.) Н. В. Гоголь поучал: «начало, корень и утверждение всему есть любовь к Богу», а «мы всё, что ни есть в мире, любим больше, нежели Бога». В. Г. Белинский в письме к Н. В. Гоголю возражал: «Какая это великая истина, что, когда отдельный человек весь отдаётся лжи, его оставляет ум и талант! Не будь на вашей книге выставлено вашего имени и будь из неё выключены те места, где вы говорите о самом себе как о писателе, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз – произведение пера автора «Ревизора» и «Мертвых душ?».

Упрёк в падении художественного дарования, в помешательстве, сумасшествии, в том, что «что-то тронулось [у него] в голове» [Воропаев, 1990] и

¹ «Выбранные места...», – пишет В. Воропаев, – следует рассматривать в контексте этих явлений» [Воропаев, 1990].

т. п., который имеет своим истоком отход от социальности, до сих пор никем не опровергнут.

Вся Москва была о нём такого же мнения. Не случайно, «Выбранные места...» были негативно встречены критикой и большинством читающей публики в России. Духовная метаморфоза, явственно отразившаяся в книге, для многих стала неожиданностью. «По-вашему, – писал В. Г. Белинский, – русский народ самый религиозный в мире: ложь!». «Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нём ещё много суеверия, но нет и следа религиозности. <...> Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре: у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: вот в этом, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем».

Поначалу Н. В. Гоголь, считая упрёки в свой адрес несправедливыми, написал в ответ большое и негодующее письмо «по всем пунктам» В. Г. Белинского, но потом заменил его другим, коротким и сдержанным. В ответ на резкое замечание В. Г. Белинского, что «русский мужик не склонен к религии», проявляя это в том, что когда он говорит о боге, то «чесет у себя другой рукой пониже спины», Н. В. Гоголь (в неоправданном письме В. Г. Белинскому) утверждал, что этому якобы противоречат «тысячи церквей и монастырей, покрывающих Русскую землю», которые «строятся не дарами богатых, но бедными лептами неимущих», «народа», а «В. Г.» судит о русском народе, живя «век» в Петербурге, «в занятиях легкими журнальными статейками».

Сдержанной оказалось отношение к книге Н. В. Гоголя и со стороны духовенства, обнаружившего в ней множество отступлений от православного христианства. Настоятель Троице-Сергиевской пустыни близ Петербурга Игнатий (Брянчанинов, канонизирован РПЦ в 1888 г.) отмечал, что религиозные представления Н. В. Гоголя «неопределённые, движутся по направлению <...> неясного, безотчётливого, душевного, а не духовного». Ржевский священник Матвей Константиновский упрекал Н. В. Гоголя в «самозваном учительстве, в увлечении светскими темами». Хотя Н. В. Гоголь усиленно изучал учения святых отцов РПЦ, многие представители духовенства обвиняли его в отступлениях от православного учения. Только безоговорочно принявший книгу Н. В. Гоголя П. А. Плетнёв, назвал её «началом собственно русской литературы», да и то с оговоркой, что она окажет влияние «только на избранных», тогда как Н. В. Гоголь считал и рассчитывал, что его книга «наставит на путь истинный всю Россию». Не меньше. К тому же он исходил из мессианской роли христианской России в мире.

Предлагая свою экзистенциально-религиозную утопию асоциальной парадигмы «России-монастыря», Н. В. Гоголь не рассуждает с позиций развития общества. Он консервирует существующие отношения между людьми, стремясь преодолеть накопившиеся экзистенциальные «ссоры». В главе XX «Нужно проездиться по России» он пишет: «Всё перессорилось: дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками; крестьяне, если только не устремлены побуждающей силой на дружескую работу, между собой, как кошки с собаками. Даже честные и добрые люди между собой в разладе; только между плутами видится (Н. В. Гоголю – М. П.) что-то похожее на дружбу и соединение в то время, когда кого-нибудь из них сильно станут преследовать». Он видит себя христианским «миротворцем-примирителем», ибо «без зова божьего» не преодолеть эти накопившиеся экзистенциальные

ссоры, следствие *грехов* человеческих, на которые человек не привык обращать внимания.

Дело примирения, считает он, не трудно: «Только слегка приподыми проповедник завесу и укажи ему, хотя одно из тех ежедневных преступлений, которые он совершает, у него уже отнимется дух хвастать безгрешностью своей, не станет он оправдывать свою роскошь подлыми и жалкими софизмами, будто бы она нужна затем, чтобы доставлять хлеб мастеровым. Он и сам тогда смекнёт, что разорить полдеревни или половину уезда затем, чтобы доставить хлеб столяру Гамбсу, есть вывод, который мог образоваться только в пустой голове эконома XIX века, а не в здоровой голове умного человека. А что же если проповедник поднимет всю цепь того множества косвенных преступлений, которые совершает человек своей неосмотрительностью, гордостью и самоуверенностью в себе, и покажет опасность нынешнего времени, среди которого всяк может погубить разом несколько душ, не только одну свою, среди которого, даже не будучи бесчестным, можно заставить других быть бесчестными и подлецами одною только своею неосмотрительностью, словом – если только сколько-нибудь покажет, как все опасно ходят? Нет, люди будут глухи к словам его, не уронится на воздух ни одно слово его проповеди. А вы можете на это навести многих священников, общая сведения о всех проделках нынешнего люда, которые вы наберете в дороге... Жизнь нужно показать человеку», «оглянутую не поверхностным взглядом светского человека, но взвешенную и оцененную таким оценщиком, который взглянул на неё высшим взглядом христианина».

Показательна глава XXII «Русский помещик», в которой Н. В. Гоголь формулирует *христианские* «правила» для помещиков. Рассуждения начинаются заявлением: «Не смущайся мыслями, будто прежние узы, связывавшие помещика с крестьянами, исчезли навеки <...> сказать их может только тот, кто далее своего носа ничего не видит». Он призывает помещика исполнить «в точности всё то, что скажет» он, Н. В. Гоголь, ибо «всяк должен служить богу на своём месте, а не на чужом» и все «должны покоряться той самой власти, под которой родились, потому что нет власти, которая бы не была от бога». На таком же «своем месте» должны быть и крестьяне, утверждает Н. В. Гоголь, призывая помещика внушить это своим крестьянам с помощью Евангелия.

Далее идёт религиозная переинтерпретация («рационализация») устаревшей социальной жизни, взаимоотношений крепостных и феодалов: «И всё, что им не скажешь, подкрепи тут же словами Святого писания; покажи им пальцем самые буквы, которыми это написано; заставь каждого (крестьянина – М. П.) перед тем перекреститься, ударить поклон и поцеловать свою книгу, в которой это написано. Словом, чтобы они видели, что ты во всём, что до них клонится, сообразуешься с волей божьей, а не со своими какими-нибудь европейскими или иными затеями», «ставь его перед лицом бога, а не перед своим лицом, покажи ему, чем он грешит против бога, а не против тебя. И не упрекай его одного, но призови бабу, его семью, собери соседей. Попрекни бабу, зачем не отваживала от зла своего мужа и не грозила ему страхом Божиим, попрекни соседей, зачем допустили, что их же брат, среди них же, зажил собакой и губит ни про что свою душу; докажи им, что дадут за то все ответ богу. Устрой так, чтобы на всех легла ответственность и чтобы все, что ни окружает человека, упрекало бы и не давало бы ему слишком расстегнуться». Такова религиозная технология помещичье-крепостных взаимоотношений! С точки зрения Н. В. Гоголя, для крестьянина «богатый человек и хороший человек – синонимы». Н. В. Гоголь доходит до откровенного асоциального лицемерия и без-

нравственности в своём религиозном экзистенциализме, когда формулирует для «русского помещика» следующее «правило»: «<...> Скажи им (крепостным крестьянам – *М. П.*), что заставляешь их трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебе деньги на твои удовольствия, и в доказательство тут же сожги ты перед ними ассигнации, чтобы они видели, что деньги тебе нуль, но что потому ты заставляешь их трудиться, что богом поведено человеку трудом и потом снискивать себе хлеб, и прочти им тут же это в Святом писании, чтобы они это видели»¹. Согласно Н. В. Гоголю, всё это «освящено самим Христом».

В «Светлом Воскресении» (глава XXXII) Н. В. Гоголь противопоставляет свою религиозно-экзистенциальную утопию экзистенциальной реальности наиболее «корыстных расчётов», лицемерных действий (*например, когда «начальник чмокнет в щёку инвалида, желая показать подчинённым чиновникам, как нужно любить своего брата»*), «гордости» «считать себя лучшим других», «лучше своих предков», присущей человечеству «девятнадцатого века». «Позабыто им то, что, может, оттого развелось так много подлых и презренных людей, что сурово и бесчеловечно их оттолкнули лучшие и прекраснейшие люди и тем заставили пуще ожесточиться». И отталкивает каждый такой экзистенциально «позабывший» человек («девятнадцатого века») от себя брата, как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего. Ему нет дела до страданий его; ему бы только не видать гноя ран его. Он даже не хочет услышать исповеди его, боясь, чтобы не поразилось обонянье его смрадным дыханьем уст несчастного, гордый благоуханьем чистоты своей».

В «гордости» он видит главное препятствие религиозно-экзистенциальной утопии-идеалу: гордость «была известна и в прежние веки, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного развития, в каком предстала теперь. Теперь явилась она в двух видах. Первый вид её – гордость чистотой своей», непризнанием своей греховной природы-экзистенции. Но «есть и другой вид гордости, сильнейший первого, – гордость ума. Никогда ещё не возростала она до такой силы, как в девятнадцатом веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком. Все вынесет человек века: вынесет название плута, подлеца; какое хочешь дай ему название, он снесёт его – и только не снесёт название дурака. Над всем он позволит посмеяться – и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него – святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстояние и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Он позабыл даже, что ум идёт вперёд, когда идут вперёд все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идёт назад, когда не возвышаются нравственные силы. И тень христианского смиренья не может к нему прикоснуться из-за гордыни его ума. Во всем он усомнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в боге усомнится, но не усомнится в своём уме».

¹ Выразительным дополнением к главе о помещике и крепостном крестьянине является глава XXV «Сельский суд и расправа», где Н. В. Гоголь всерьёз рекомендует действовать так, как действовала комендантша в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», которая, пославши поручика «рассудить» городского солдата с бабой, подравшихся в бане за шайку, снабдила его такой «инструкцией»: «Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи» (ибо всяк человек есть, дескать, греховное существо – *М. П.*).

И так начались «страсти ума», «противоречия в мире мысленном»: «образовались целые партии» «уже друг друга ненавидящие», хотя друг друга «не видевшие». И когда уже начали было думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, – дорогой ума, на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердца людей повсюду¹.

Н. В. Гоголь не прав – эти «распри ума» начались уже в древности. Они имеют социальные «предпосылки». Мышление социально. Для Н. В. Гоголя же социальность и светскость совпадают так, что он стремится вывести человека «по ту сторону» *всякой* социальности/светскости, предлагает утопию/парадигму религиозного экзистенциализма, характеризуя социальность (светскость) как (про)явление «духа тьмы», наиболее явившее себя в странах Европы. У нас же, в России, «ещё нет» «непримиримой ненависти сословья против сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреодолимое к соединению людей и братской любви между ними, что есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможно ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу (экзистенцию – М. П.) человека, то <...> ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды – всё бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек»². То есть речь о необходимости внутреннего, экзистенциального переустройства каждого человека.

Эта идея-мечта, которая зародилась в Н. В. Гоголе еще в 1844 году в «Правиле жития в мире», определяет всю структуру и «Выбранных мест...», придавая им характер почти апостольского послания: «Начало, корень и утверждение всему есть любовь к Богу. Но у нас это начало в конце, и мы всё, что ни есть в мире, любим больше, нежели Бога». Он утверждал религиозность человеческой экзистенции вопреки падению религиозности в России, на что и указал В. Г. Белинский в своей критике-отповеди, что было наиболее болезненным для Н. В. Гоголя. В. Г. Белинский же «восстанавливал в правах» *социальность* человеческого бытия и мышления.

Религиозность человеческой экзистенции он утверждал вопреки её падению в тогдашней России, на что и указал В. Г. Белинский в своей критике-отповеди, что было наиболее болезненным для Н. В. Гоголя. В. Г. Белинский же «восстанавливал в правах» социальность человеческого бытия и мышления. Гоголь квалифицирует её как явление «современной близорукости», которая больше присуща Европе, чему способствует, по его мнению, несовершенная европейская форма католического христианства (эта «идея» до сих пор пропа-

¹ Правомерно ли изъятие нравственности из ума? Согласно В. Далю, например, ум есть «общее название познавательной и заключительной способности человека, способности мыслить; это одна половина духа его, а другая – нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти...» [Даль, 1996: с. 494].

² Как пишет В. Воропаев, «признавая и принимая существующий порядок вещей, он (Н. В. Гоголь – М. П.) стремился не к преобразованию общества, но к преобразованию человека», полагая, что «общество образуется само собою», что «общество слагается из единиц», что только надобно, «чтобы каждая единица исполнила должность свою <...>. Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство», нужно «сделаться истинным христианином во всём смысле этого слова» [Воропаев, 1990].

гандируется руководством РПЦ в России – М. П.). Он высказывается в том смысле, что пройдет ещё десяток лет и Европа «приедет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках».

Как известно, вместо такого развития событий в России в 1861 году было отменено крепостное право. Россия вступила на путь буржуазного развития, воспользовавшись идеями философов Просвещения, немецкой классической философии и внося свой вклад в развитие науки, культуры, социально-экономической и философской мысли...

Однако противоречивость последующего её развития, трудности рубежа XX–XXI вв. на всём постсоветском пространстве, возвращают в современную Россию противоречие социального и религиозного...

Религия до сих пор отвергает *социальность* так же, как вообще *объективность* реальности, будучи поражена сверхъестественностью религии, её таинственностью – потусторонностью, непознаваемостью, возможностью невозможного. Так, бог, согласно Л. Шестову, в состоянии даже «бывшее сделать небывшим». Религия идёт вслед за мифологическим мировоззрением, признанием «возможности невозможного» (хотя бы для воображения и в воображении) для человека, управляемого, как писал Я. Э. Голосовкер, абсолютной силой и свободой творческого желания как первого и последнего основания для любого следствия, как первоисточника, порождающего из себя причины всех действий, всех чудес...

Сегодня это *отчуждение от социальности*, от ее главного признака, определяющего всю социальную жизнь людей в современной России, проявляется в том, например, что РПЦ МП [*Основы социальной концепции*, 2000] не ставит вообще проблему преодоления глубочайшего социального неравенства, значит, социальной несправедливости, поражающей и сражающей современную Россию. В своих проповедях православные священники, как и религиозные проповедники других конфессий, призывают богатых и сверхбогатых «новых русских» помочь тем «новым» бедным, которые оказались в особенно сложной ситуации. Им объясняют, что таким образом они сохраняют свои богатства, в противном же случае, не вытерпев выпавших на их долю тягот, новые бедные пойдут на (по словам А. С. Пушкина) кровавый и жестокий бунт, который вполне способен привести к утрате «новыми русскими» их нечестно нажитых состояний (искусство наживать таким образом богатства Аристотель не относил к экономике и её эволюции, считал его *извращением «домохозяйства»*, называл «хрематистикой» [*Аристотель*, 1984]). Тех же, которым выпала судьба терпеть тяготы и невзгоды, а их в современной России (как и в Украине) немало, призывают терпеть в надежде на обещаемый рай «по ту сторону» земной жизни. Церковь как социальный институт не выступает против социальной несправедливости, ненавистного людям социального неравенства. В постсоветской России именно эти условия стали основанием для её возрождения и расширения, стремление определять своей идеологией всё и вся.

Эти проповеди соответствуют положениям гл. III «Церковь и государство» «Основ социальной концепции РПЦ», которые начинаются с утверждения, что Церковь как «богочеловеческий организм имеет <...> таинственную сущность, неподвластную стихиям мира», которая и является основанием для её «исторической составляющей», получается, не *обусловленной* (это хорошо «прописано», например, ещё в ветхозаветной «Книге Иова») процессом разви-

тия самого социального человеческого бытия, что лишает мышление социальности.

Сегодня такая идеология, несмотря на её опасные последствия, навязывается людям во всех сферах человеческой жизни в полном соответствии с негативной диалектикой доминирования регрессивных явлений вырождения в сравнении с классической или позитивной диалектикой приоритета восхождения над нисхождением.

Литература

- Аристотель*, 1984 – *Аристотель*. Политика // Сочинения. В четырех томах. – М., 1984. – Т. 4. – С. 97–398.
- Белинский*, 1948 – *Белинский В.Г.* Письмо к Н.В. Гоголю. 3 июля 1847 // *Белинский В.Г.* Избр. филос. произв. Т. 2. – М., 1948.
- Воропаев*, 1990 – *Воропаев В.* «Монастырь ваш – Россия!» // *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., коммент., вступ. статья В.А. Воропаева. – М.: Советская Россия, 1990.
- Гоголь*, 1990 – *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями / Сост., коммент., вступ. статья В.А. Воропаева. – М.: Советская Россия, 1990.
- Даль*, 1996 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., 1996. – Т. 4.
- Мамардашвили*, 1997 – *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. – СПб., 1997.
- Мочульский*, 1934 – *Мочульский К.* Духовный путь Гоголя. – М., 1934.
- Основы социальной концепции*, 2000 – Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 13–16 авг. 2000 // <http://www.russian-orthodox-church.org.ru>.
- Урсул*, *Урсул*, 2012 – *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Универсальный (глобальный) эволюционизм и глобальные исследования // *Философские исследования*. – 2012. – № 1.

References

- Aristotle*. *Politika* [Policy] // *Sočineniâ* [Works]. – Moscow, 1984. – Vol. 4. – Pp. 97–398.
- Belinsky V.G.* *Pis'mo k N. V. Gogolû*. 3 iûlâ 1847 [Letter to N. V. Gogol. July 3, 1847] // *Belinsky V.G.* *Izbr. filos. proizved.* [Selected philosophical works]. Vol. 2. – Moscow, 1948.
- Voropaev V.* "Monastyr' vaš – Rossiâ!" ["Monastery yours – Russia!"] // *Gogol N.V.* *Vybrannye mesta iz perepiski s druž'âmi* [Selected Passages from Correspondence with Friends]. – Moscow, 1990.
- Gogol N.V.* *Vybrannye mesta iz perepiski s druž'âmi* [Selected Passages from Correspondence with Friends]. – Moscow, 1990.
- Dahl V.* *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo âzyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. – St. Petersburg, 1996. – Vol. 4.
- Mamardashvili M.K.* *Psihologičeskaâ topologiâ puti* [Psychological topology of way]. – St. Petersburg, 1997.
- Mochul'skii K.* *Duhovnyj put' Gogolâ* [Gogol's spiritual way]. – М., 1934.
- Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* [Bases of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow, August 13-16. 2000 // <http://www.russian-orthodox-church.org.ru>.
- Ursul A.D.* *Ursul T.A.* *Universal'nyj (global'nyj) èvolûcionizm i global'nye issledovaniâ* [Universal (global) evolutionism, and global studies] // *Filosofskie issledovaniâ*. – 2012. – № 1.

